

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 008+39+72.03(470.1/.2)

DOI: 10.20323/1813-145X-2025-2-143-174

EDN: HFXPUP

Сакральное пространство севернорусского дома в XXI в.

Алексей Александрович Усов

Кандидат культурологии, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н. П. Лаврова Уральского отделения Российской академии наук. 163020, г. Архангельск, Никольский проспект, д. 20
usov@fciarctic.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0466-0124>

Аннотация. В статье представлен краткий этнокультурологический анализ предметно-смыслового содержания сакрального пространства традиционных крестьянских жилищ Русского Севера, возведенных в конце XIX–середине XX вв. и находящихся на современном этапе их существования. В качестве «case study» использованы материалы архитектурно-этнографического обследования домов-комплексов в репрезентативной д. Кимжа Мезенского района Архангельской области, проведенного в 2024 г. Основное внимание уделено концепту «углов» избы как ключевых и наиболее устойчивых к функциональным и символическим трансформациям элементов ее объемно-пространственной структуры. Центральный предмет исследования – красный «святой» угол, важнейший локус сакрального пространства дома, заключающий в себе идейно-символические аспекты повседневного уклада жизни людей и хранимой ими православной народной веры. Автор указывает на неизбежность традиционного наполнения красного угла, приходит к выводу его прочной связи с главным деревенским храмом – Одигитриевской церковью (1709), а также исчезнувшими старообрядческими часовнями посредством преемственности старинных икон, циркулирующих в пространственно-временном континууме Кимжи. Отмечаются и незначительные изменения, коснувшиеся красного угла крестьянского дома на рубеже эпох. В том числе, его наполнение массовой печатной продукцией – иконками и календарями, а также фотоматериалами, привносящими в сакральное пространство избы не метафорический, но буквально визуализированный образ храма и памятников деревянного зодчества в культурном ландшафте сельского исторического поселения Русского Севера.

Ключевые слова: Русский Север; деревянное зодчество; культурный ландшафт; сакральное пространство; историческое поселение; жилище; красный («святой») угол

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20036, <https://rscf.ru/project/24-28-20036/>.

Для цитирования: Усов А. А. Сакральное пространство севернорусского дома в XXI в. // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 2 (143). С. 174–180. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-2-143-174>. <https://elibrary.ru/HFXPUP>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART (CULTUROLOGY, ART CRITICISM)

THEORETICAL ASPECTS IN STUDYING CULTURAL PROCESSES

Original article

Sacred space of the russian north house in the XXI century

Aleksei A. Usov

Candidate of culturology, senior researcher, N. Laverov Federal center for integrated Arctic research, the Ural branch of the Russian academy of sciences. 163020, Arkhangelsk, Nikolsky ave., 20
usov@fciarctic.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0466-0124>

Abstract. The article attempts to conduct a brief ethnocultural analysis of the subject-semantic content typical for sacred space in traditional peasant dwellings of the Russian North. The house researched is from the late XIX to mid-XX century and is currently in use. The «case study» uses materials from an architectural and ethnographic survey of house complexes in the representative village of Kimzha, Mezensky District, the Arkhangelsk Region, conducted in 2024. The main attention is paid to the concept of the «corners» of the hut as the key elements of its volumetric-spatial structure that are most resistant to functional and symbolic transformations. The central subject of the study is the red «holy» corner, the most important locus of the house sacred space, which contains the ideological and symbolic aspects of the everyday life of people and the Orthodox (folk) faith they cherish. The author points out the immutability of the traditional content of the red corner, and he comes to the conclusion that it is strongly connected with the main village temple – the Church of the Hodegetria (1709), as well as the disappeared Old Believer chapels through the continuity of ancient icons circulating in the space-time continuum of Kimzha. Nevertheless, minor changes that affected the red corners of the peasant house at the turn of the eras are also noted. Including their filling with mass-produced printed materials – icons and calendars, as well as photographic materials, bringing to the sacred space of the hut not a metaphorical, but literally visualized image of the temple and monuments of wooden architecture in the cultural landscape of the Russian North rural historical settlement.

Key words: Russian North; wooden architecture; cultural landscape; sacred space; historical settlement; dwelling; red («holy») corner

The study was supported by the Russian Science Foundation grant № 24-28-20036, <https://rscf.ru/project/24-28-20036/>.

For citation: Usov A. A. Sacred space of the russian north house in the XXI century. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2025; (2): 174-180. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-2-143-174>. <https://elibrary.ru/HFXPUP>

Введение

Русский Север до настоящего времени остается территорией, на которой в большом количестве сохранились культурные и сакральные ландшафты старинных ансамблей монастырей, городов и сельских поселений [Пермиловская, 2019]. Деревня, удаленная от крупных административных центров и зоркого контроля церкви, сберегла синкретическое мировоззрение – народное православие, что привело к продолжительному существованию, а иногда и возникновению большого количества ярких, во многом антиклерикальных явлений севернорусской культуры. Священные деревья, рощи, камни, источники; а также часовни, выразительные кубо-

ватые храмы (как пример неоднозначного отношения крестьян к требованию церкви избавиться от шатровых покрытий и прозорливости плотников) и многие другие феномены, прочно вошедшие в жизнь и веру местного населения, сформировали уникальное сакральное пространство Европейского Севера.

Истинная ценность и жизнеспособность священных мест раскрывалась лишь в контексте народной культуры. В результате исторических и социокультурных потрясений они испытали на себе разрушительное действие времени. Деревья и рощи, располагавшиеся за пределами domesticiрованного пространства, зачастую были забыты с уходом старших поколений, часовни и храмы перестраивались, превращались в складские

помещения или разрушались. Однако на территории сельских поселений существовало и до сих пор остается актуализированным сакральное пространство, глубоко связанное с жизненным укладом людей не только через практики отправления культа, но и напрямую через их быт и культуру повседневности. Это сакральное пространство северного дома.

Методы исследования

В работе была использована авторская методика доктора культурологии А. Б. Пермиловской архитектурно-этнографического обследования памятников деревянного зодчества, исторических поселений как объектов культурного наследия с созданием историко-культурного опорного плана, апробированная в экспедициях и опубликованная в монографиях. Были произведены обмеры и фотофиксация жилищ, в том числе интерьеров изб, предметного содержания красных углов, проведены этнографические интервью.

Результаты исследования

Традиционный крестьянский дом существует и в настоящее время. Несмотря на то, что большинство новых загородных жилищ строятся как коттеджи, возведенные еще в конце XIX – середине XX вв. традиционные дома-комплексы до сих пор остаются частью поселений – пригородных поселков и труднодоступных деревень. Характерное для такого дома архитектурно-конструктивное устройство со временем подвергается эрозии: большинство хозяйственных дворов с поветями обрезают или полностью разобрано за ненадобностью, подклет (подпол) превратился в обычный подвал-склад или исчез как утилитарное помещение, холодные клетки превращены в жилые комнаты-кладовки [Усов, 2024]. Однако изба и ее традиционная планировка в таких домах во многом остаются типичными. Безусловно, речь идет не об интерьере, который опирается не на традицию, но на личные предпочтения хозяев, их материальный статус, доступность современной мебелировки.

Главную роль здесь играет традиционная субординация пространственных зон в избе, символическая и функциональная объемно-пространственная структура ее помещений, которая почти всегда единообразна. Причина в том, что архитектурная единица жилища – бревно. Именно оно было универсальным архитектурным модулем, единым для зданий самых разных композиций и форм, повторяющимся в своих

усредненных размерах множество раз [Ополовников, 1983]. Связь 4-х бревен образует «венец» (метафорическую «рамку», устанавливающую границу между человеком и природой, внешним и внутренним [Цивьян, 1973, с. 243]), который в свою очередь формирует прямоугольный параллелепипед – «сруб».

Таким образом, изба всегда оставалась ортогональным пространством, ограниченным четырьмя стенами и четырьмя углами («печной», «бабий кут», «красный», «задний» [Криничная, 2009]). В соответствии с этим, как функциональный, так и идейно-символический аспект планировки жилища сводится к разграничению пространства противостоящими стенами и углами, связанными как через вполне материальные архитектурные элементы типа воронцов (в курной избе) и матицы, так и посредством незримых пересекающихся диагоналей. Углы обеспечивали связь границ, венцы сруба соединялись в них, придавая пространству непрерывную, замкнутую форму. Сакральный статус углов обеспечивался пребыванием в них домашнего духа – домового [Теребихин, 2004, с. 280]. Фундаментальные атрибуты обжитой избы – печь и образы (иконы) также тяготели к углам, из углов жилище разворачивалось во всей своей полноте, к углам же оно и сводилось [Криничная, 2009, с. 28].

Даже сам факт наличия «углов» может быть осмыслен как попытка придать жилищу онтологической устойчивости. Дом целиком называют «углом» в значении «приют, кров, пристанище» [Даль, 1882]. Противопоставляют его чужому «углу», иной, недоместицированной территории [Славянская мифология, 1995]. Высокий семиотический статус «угла» проявляется в его метонимическом соотношении с «жилищем» через понятия крова, семьи, строения, иерархии, порядка в греческом эквиваленте дома – «ойкос» и древнееврейском – «бейт» [Теребихин, 2011].

В этом обоснованном в первую очередь рациональной геометрией и модульностью доступных северным зодчим материалов «проекте» избы естественным образом сосуществуют функциональное и глубоко символическое, сакральное пространство. Сущность последнего варьируется от традиционного и привычного для многих народов мира деления жилого помещения на мужскую и женскую половину, до метафизического, почти фрактального повторения бесчисленных культурных форм Космоса в самом широком его понимании. В зависимости от глубины семиотического анализа, пристальному взгляду

исследователя открываются самые разнообразные мультикультурные универсалии, вплоть до рассмотрения избы как подобия небесной ладь-терема или доказательства изначального антропоморфизма нерукотворного здания мира [Бондаренко, 2014; 2020].

Однако же не менее интересным представляется вопрос актуального статуса сакрального пространства, и прежде всего, наиболее выраженно-го, главного красного («святого») угла севернорусской избы на современном этапе ее существования. Изменение традиционного уклада жизни, произошедшего еще на рубеже XIX–XX вв., привело к серьезной трансформации художественно-бытовых традиций, затронувших как деревню, так и город. Во втором случае возникают совершенно новые формы по-своему сакральных пространств, имитирующие традицию, но подменяющие ее сущность и нравственное значение. Например, «красные уголки», манипулирующие смыслами с подменой христианского иконостаса советской реальностью: звездной атрибутикой, геральдикой, портретами вождей, красными полотнищами-знаменами [Усанова, 2020].

С другой стороны, в доме-комплексе, возведенном в конце XIX–середина XX вв., со временем исчезают ярко-выраженные элементы, характерные для традиционного крестьянского жилища; размываются границы мужской и женской половины. Вместе с курной избой в прошлое уходят воронцы; пропадает лавка-коник – мастерская перемещается в отдельную комнату или на поветь, «бабий кут» замещается посудным шкафом и кухонным столом. Но геометрия пространства сохраняется, а вместе с ней – диагональная оппозиция: печь – «святой» угол. В качестве примера обратимся к репрезентативной д. Кимжа Мезенского района Архангельской области, как к образцу традиционного сельского исторического поселения Русского Севера, где сакральный ландшафт все еще играет большую роль в жизни местного населения, а крестьянский дом-комплекс претерпел относительно незначительные изменения.

Деревня Кимжа располагается в 350 км от Архангельска и 50 км от г. Мезени. Точная дата ее основания неизвестна, вероятно – нач. XVI в. Как существующее поселение Кимжа впервые появляется в переписи 1600 года [Краткое историческое описание, 1896]. Среди знаковых для местных жителей дат следует отметить: 10 августа – престольный праздник, Богородицын день (выступающий аналогом дня села) и съезжий

праздник 21 июля – Прокопьев день (традиционный праздник смотрин). В соседних поселениях также до сих пор существуют съезжие праздники: 7 июля – Иванов день (Иван Купала) в Дорогорском, 12 июля – Петров день в Жерди [ПМА, 2024].

В контексте сакрального ландшафта д. Кимжа особую ценность представляет одна из 2-х последних на Русском Севере деревянных церквей с типом покрытия «шатер на крещатой бочке» – церковь иконы Божией Матери «Одигитрия» (1709). Основное помещение храма – четырехгранный сруб на высоком подклете. С востока – пятигранный алтарный прируб, перекрытый килевидной бочкой – кокошником. С запада: большая просторная трапезная, колокольня и двухвходное крыльцо.

Ещё до закрытия храма любые проявления религиозности стали осуждаться. Дети, посещавшие богослужение даже ради интереса, порицались на пионерском собрании вплоть до угрозы исключения. Храм был закрыт в 1935 году, пионеров заставляли спиливать на дрова обетные кресты, рубить иконы.

С церковью связана легенда с традиционным мотивом спрятанного сокровища. Перед тем как храм был закрыт в 1935 г., люди разобрали старые иконы на «временное хранение». Что проще – разнесли по домам, а самые ценные и церковную утварь родственники священника собрали ночью, завернули в парчу и увезли за деревню, закопав в одном из ручьев. Советская власть ценности так и не нашла [ПМА, 2024].

Спасенные из церкви иконы нередко временно занимали почетное место в избе – именно в красном углу, что порождало линию символической преемственности. С точки зрения семиотики культуры, это естественно. Ведь, как отмечает доктор филологических наук Н. А. Криничная: дом всегда отчасти храм, а храм – это тоже дом, только Дом Божий [Криничная, 2001, с. 127].

Красный угол в деревне вмещал далеко не одну икону, порой и 3–4, превращаясь в маленький иконостас, а хозяйский (обеденный) стол, за которым проводилась ежедневная трапеза – становился символическим престолом, где традиционно проводилось таинство евхаристии [ПМА, 2024]. В настоящее время количество икон варьируется в значительном диапазоне. Например, искусственно воссозданное традиционное сакральное пространство избы и горницы музея «Политов дом» (2005) включает в себя по одной большой иконе на каждый «святой» угол.

В жилых домах, как правило, число икон увеличивается. Не в последнюю очередь это связано с возможностями приобретения и размещения недорогих образков на бумажной и деревянной основе, вплоть до вошедших во всеобщий обиход православных календарей, включающих богатую христианскую иконографию. Ярчайшим зафиксированным примером собирательного домашнего иконостаса в деревне является красный угол в доме П. Г. Крупцова, содержащий около 25 православных икон различного качества и статуса, в основном с повторяющимися изображениями Христа, Богородицы, Николая Чудотворца. Центральная икона (Одигитрия), символически объединяющая все остальные образки и физически, своими размерами, довлеющая в пространстве избы, – старинный оригинал, вынесенный из сгоревшей старообрядческой часовни (церкви) на Матренином поле [ПМА, 2024]. Отметим, что в настоящее время предметное наполнение угла даже верующего человека несколько отличается от стандарта, приведенного, например, А. К. Байбуриным: «стол, образа, библия, молитвенные книги, крест, свечи, и позже и фотографии умерших членов семьи» [Байбурин, 1983, с. 150]. Священные книги почти исчезают из видимого пространства, свечи встречаются лишь в единичных случаях, так как их перестали хранить в доме на видном месте (хотя лампадки на цепях распространены повсеместно). Зато почти каждый домашний иконостас содержит фотографии, но не родственников, а различных ракурсов главной святыни деревни – Одигитриевской церкви. Иногда, как в избе Т. И. Ягнетевой, фотографии даже преобладают, отражая важнейшие виды и памятники богатого культурного ландшафта деревни: поклонный крест в Заборе (1887), знаменитые ветряные мельницы, панораму поселения. Вместе – как визуальный текст – они метафорически образуют символический Космос деревни. Подобная, на первый взгляд незначительная, деталь в действительности может дать начало плодотворному культурологическому анализу созерцательного начала, объединяющего пространства сокровенного и внешнего [Башляр, 2004, с. 176; Лавренова, 2010, с. 112]. Однако это выходит за рамки настоящего исследования.

Иконы в Кимже посвящены различным святым, но чаще всего до сих пор встречаются посвященные Богородице. Каждый образ становится неотъемлемой частью жилища. Считалось, что даже при продаже дома в нем должна была оста-

ваться хотя бы одна икона. Примечательно, что красный угол – как сакральный центр избы – был символическим ориентиром даже оставшись без икон. Старые люди, заходя в дом, вполне могли креститься на пустой угол. Вероятно, это связано с идеей «намоленного места», кроме того, расположение самого угла чаще всего совпадало с востоком – при традиционном обращении окон избы на южную сторону и с учетом севернорусской планировки, с печью в западном углу, справа от дверей. Если полноценный домашний иконостас не возвращался на свое традиционное место, красный угол мог занять телевизор. Впрочем, при одновременном сосуществовании иконы и телевизора – это негативно воспринималось старшим поколением: *«Вот те Господи, под иконой девки пляшут!..»* [ПМА, 2024].

Заключение

Репрезентативная д. Кимжа – пример уникального сельского исторического поселения Русского Севера. Ее нельзя назвать среднестатистической, ввиду высокого уровня сохранности традиционного культурного ландшафта, включающего выдающиеся памятники деревянного зодчества: культовые, жилые, хозяйственные, и активной работы населения по актуализации местного историко-культурного наследия. Но мы убеждены, что здесь особенно ярко отразились основные черты сакрального пространства крестьянского жилища на современном этапе его существования на территории Русского Севера. Хранимые традиции, прочная связь людей с православной культурой (в том числе с характерным для Мезени старообрядческим жизненным укладом [Матонин, 2014, с. 93]), удаленное местоположение и преемственность проживания коренного населения замедлили процесс увядания народных устоев и ценностей. Многие дома-комплексы пережили минимальное вмешательство, и их жилые помещения – избы – сохраняют дух времени конца XIX – середины XX вв. Основой и наиболее долгоживущей частью их сакрального пространства остается красный («святой») угол. В обыденном сознании людей он не воспринимается как равнозначный аналог храма. Однако в пространственно-временных координатах бытия деревни их связь несомненна. Образ Богородицы Одигитрии и самой Одигитриевской церкви стал неотъемлемым атрибутом домашнего иконостаса. Часть икон до сих пор имеют символическое родство с храмом и часовнями, откуда они были спасены в первой половине

XX в. Новое предметное наполнение красного угла севернорусского дома д. Кимжа не истончило связи с прошлым, но лишь привнесло веяния нового времени: прежде всего обилие православных образов на материале массовой печатной продукции. И пока существует традиционный в своем архитектурно-планировочном решении дом-комплекс, пока в противоположных углах обжитой избы расположились иконостас и русская печь – красный угол сохраняет свой статус и значение для населения Русского Севера.

Библиографический список

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград : Наука, 1983. 188 с.
2. Башляр Г. Избранное: поэтика пространства. Москва : РОССПЭН, 2004. 374 с.
3. Бондаренко И. А. Вновь об истоках традиции диагонального построения плана русской избы // Архитектурное наследие. 2020. № 73. С. 5–23.
4. Бондаренко И. А. Печь и красный угол: к вопросу о происхождении традиции взаимного расположения // Архитектурное наследие. 2014. № 60. С. 6–10.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2 т. Т. 2: П–В. Москва : Олма-Пресс, 2002. 1088 с.
6. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангел. епархии. Вып. 2: Уезды Шенкурский, Пинежский, Мезенский и Печорский. Архангельск, 1896. 406 с.
7. Криничная Н. А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 28–41.
8. Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: истоки и полисемантизм образов. В 3 т. Т. 1: Былички, бывальщины, легенды о духах-«хозяевах». Санкт-Петербург : Наука, 2001. 584 с.
9. Лавренова О. А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. Москва : Институт Наследия, 2010. 330 с.
10. Матонин В. Н. Семантика геокультурного пространства Русского Севера // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 28. С. 89–95.
11. Ополонников А. В. Русское деревянное зодчество. Гражданское зодчество. Москва : Искусство, 1983. 288 с.
12. Пермиловская А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург : УрО РАН ; Архангельск : ОАО «ИПП «Правда Севера»»; Ярославль : ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. 608 с.
13. Пермиловская А. Б. Сохранение русской этнокультурной традиции в северном деревянном зодчестве // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 1 (1). С. 52–60.
14. ПМА. Усов А. А. Отчет об экспедиции в Мезенский район. Информанты: Воробьева Валентина Алексеевна, 1963 г.р., м.р. и м.п. г. Архангельск; Житова Тамара Михайловна, 1979 г.р., м.р. д. Кимжа, м.п. г. Архангельск; Крупцов Павел Гаврилович 1958 г.р., м.р. д. Койда, м.п. г. Архангельск; Лебедева Любовь Павловна, 1981 г.р., м.р. д. Кимжа, м.п. г. Архангельск; Репицкая Евдокия Гавриловна, 1961 г.р., м.р. г. Мезень, м.п. д. Кимжа; Сафонов Федор Георгиевич, 1960 г.р., м.р. д. Кимжа, м.п. г. Мезень; Ягнетьева Татьяна Иосифовна, 1954 г.р., м.р. д. Кимжа, м.п. п. Каменка; Яхлакова Тамара Николаевна, 1942 г.р., м.р. д. Кимжа, м.п. г. Архангельск; Типкова Татьяна Михайловна, 1963 г.р., м.р. д. Жердь, м.п. г. Архангельск; запись 2024.
15. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. А–Я / науч. ред. В. Я. Петрухин. Москва : Международные отношения, 2002. 512 с.
16. Теребихин Н. М. Метафизика Севера : монография. Архангельск : Поморский ун-т, 2004. 272 с.
17. Теребихин Н. М. Пермский домострой: строительный миф и ритуал. Архангельск : Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2011. 144 с.
18. Усанова А. Л. Красный угол: смысловые интерпретации в городском интерьере первой половины XX в. / А. Л. Усанова, С. М. Будкеев // Вестник славянских культур. 2020. № 58. С. 278–288. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-58-278-288.
19. Усов А. А. Двинской дом: традиции и современность // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 3 (138). С. 214–219. DOI: 10.20323/1813-145X-2024-3-138-214.
20. Цивьян Т. В. О некоторых способах отражения в языке оппозиции внутренний/внешний // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. Москва : Наука, 1973. С. 242–261.

Reference list

1. Bajburin A. K. Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan = Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs. Leningrad : Nauka, 1983. 188 s.
2. Bashljar G. Izbrannoe: pojetika prostranstva = Favorites: poetics of space. Moskva : ROSSPJeN, 2004. 374 s.
3. Bondarenko I. A. Vnov' ob istokah tradicii diagonal'nogo postroenija plana russkoj izby = Again about the origins in the tradition of diagonal construction of the Russian house plan // Arhitekturnoe nasledstvo. 2020. № 73. S. 5–23.
4. Bondarenko I. A. Pech' i krasnyj ugol: k voprosu o proishozhdenii tradicii vzaimnogo raspolozhenija = Furnace and red corner: to the question of the origin of the tradition of mutual arrangement // Arhitekturnoe nasledstvo. 2014. № 60. S. 6–10.

5. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka = Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. V 2 t. T. 2: P–V. Moskva : Olma-Press, 2002. 1088 s.
6. Kratkoe istoricheskoe opisanie prihodov i cerkvej Arhangel. eparhii. Vyp. 2: Uezdy Shenkurskij, Pinezhskij, Mezenskij i Pechorskij = Brief historical description of Archangel parishes and churches. dioceses. № 2: Counties Shenkur, Pinezhsky, Mezen and Pechora. Arhangel'sk, 1896. 406 s.
7. Krinichnaja N. A. Krasnyj ugol: ob istokah i semantike sakral'nogo lokusa (po severnorusskim materialam) = Red corner: on the origins and semantics of the sacred locus (based on North Russian materials) // Jetnograficheskoe obozrenie. 2009. № 2. S. 28–41.
8. Krinichnaja N. A. Russkaja narodnaja mifologicheskaja proza: istoki i polisemantizm obrazov = Russian folk mythological prose: the origins and polysemitism of images. V 3 t. T. 1: Bylichki, byval'shhiny, legendy o duhah-«hozjaevah». Sankt-Peterburg : Nauka, 2001. 584 s.
9. Lavrenova O. A. Prostranstva i smysly: semantika kul'turnogo landshafta = Spaces and meanings: semantics of the cultural landscape. Moskva : Institut Nasledija, 2010. 330 s.
10. Matonin V. N. Semantika geokul'turnogo prostranstva Russkogo Severa = Semantics of the geocultural space of the Russian North // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2014. № 28. S. 89–95.
11. Opolovnikov A. V. Russkoe derevjannoe zodchestvo. Grazhdanskoe zodchestvo = Russian wooden architecture. Civic architecture. Moskva : Iskusstvo, 1983. 288 s.
12. Permilovskaja A. B. Kul'turnye smysly narodnoj arhitektury Russkogo Severa = Cultural meanings of folk architecture of the Russian North. Ekaterinburg : UrO RAN ; Arhangel'sk : OAO «IPP "Pravda Severa"» ; Jaroslavl' : JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2013. 608 s.
13. Permilovskaja A. B. Sohranenie russkoj jetnokul'turnoj tradicii v severnom derevjannom zodchestve = Preservation of the Russian ethnocultural tradition in northern wooden architecture // Mir russkovo-vorjashhih stran. 2019. № 1 (1). S. 52–60.
14. PMA. Usov A. A. Otchet ob jekspedicii v Mezenskij rajon = PMA. Usov A. A. Report on the expedition to the Mezen region. Informanty Vorob'eva Valentina Alekseevna, 1963 g.r., m.r. i m.p. g. Arhangel'sk; Zhitova Tamara Mihajlovna, 1979 g.r., m.r. d. Kimzha, m.p. g. Arhangel'sk; Krupcov Pavel Gavrilovich 1958 g.r., m.r. d. Kojda, m.p. g. Arhangel'sk; Lebedeva Ljubov' Pavlovna, 1981 g.r., m.r. d. Kimzha, m.p. g. Arhangel'sk; Repickaja Evdokija Gavrilovna, 1961 g.r., m.r. g. Mezen', m.p. d. Kimzha; Safonov Fedor Georgievich, 1960 g.r., m.r. d. Kimzha, m.p. g. Mezen'; Jagnet'eva Tat'jana Iosifovna, 1954 g.r., m.r. d. Kimzha, m.p. p. Kamenka; Jahlakova Tamara Nikolaevna, 1942 g.r., m.r. d. Kimzha, m.p. g. Arhangel'sk; Tipkova Tat'jana Mihajlovna, 1963 g.r., m.r. d. Zherd', m.p. g. Arhangel'sk; zapis' 2024.
15. Slavjanskaja mifologija. Jenciklopedicheskij slovar'. A–Ja = Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary. A–Z / nauch. red. V. Ja. Petruhin. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2002. 512 s.
16. Terebihin N. M. Metafizika Severa = Metaphysics of the North : monografija. Arhangel'sk : Pomorskij un-t, 2004. 272 s.
17. Terebihin N. M. Permskij domostroj: stroitel'nyj mif i ritual = Perm house building: construction myth and ritual. Arhangel'sk : Pomor. gos. un-t im. M. V. Lomonosova, 2011. 144 s.
18. Usanova A. L. Krasnyj ugol: smyslovye interpretacii v gorodskom inter'ere pervoj poloviny XX v. = Red corner: semantic interpretations in the urban interior of the first half of the XX century / A. L. Usanova, S. M. Budkeev // Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2020. № 58. S. 278–288. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-58-278-288.
19. Usov A. A. Dvinskij dom: tradicii i sovremenost' = Dvina House: traditions and modernity // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2024. № 3 (138). S. 214–219. DOI: 10.20323/1813-145X-2024-3-138-214.
20. Civ'jan T. V. O nekotoryh sposobah otrazhenija v jazyke oppozicii vnutrennij/vneshnij = About some ways of reflecting in the language of internal/external opposition // Strukturno-tipologicheskie issledovanija v oblasti grammatiki slavyanskikh jazykov. Moskva : Nauka, 1973. S. 242–261.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 14.02.2025; принята к публикации 27.03.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 14.02.2025; accepted for publication 27.03.2025.